

III. ЛЕТОПИСНОЕ ДЕЛО

1

В разные времена и у разных народов выдвигаются искусства или литературные жанры, которые ярче всего выражают характер народа или характер эпохи, отчётливее всего запечатлевают их типические черты. Для древней Руси вплоть до XVII в. на протяжении 600 лет таким определяющим, наиболее типическим явлением культуры была летопись.

Вся культура древней Руси была проникнута интересом к своей истории. Московские князья основывали свою политику на свидетельствах летописи, на исторических ссылках, умело сообразуя историческое прошлое русского народа с задачами, выдвигаемыми настоящим.

Средневековое русское искусство утверждало себя как историческое искусство по преимуществу и отвергало прямой вымысел. Конечно, реальный историзм в средние века не мог быть целиком достигнут: люди средневековья верили в историческое существование многого такого, чего никогда не было и не могло быть в действительности.

Наибольшее развитие средневековый «историзм» получил в литературе. Проблема исторической достоверности составляла основную проблему повествовательной литературы древней Руси. Всякий повествовательный сюжет в русской средневековой литературе рассматривался как исторически бывший, как нечто, чему свидетелем был сам автор, или те, от кого он слышал его или у кого читал. Согласно взгляду средневекового русского писателя, литература должна была изображать только действительные события, рассказывать только о действительно существовавших лицах. Конечно, вымысел широко проникал в древнюю русскую литературу, но он всегда маскировался раз-

ными историческими именами, упоминаниями реальных географических названий, где совершались события повествования, точными хронологическими указаниями о том, когда, в каком году, при каком князе происходило то или иное событие. Действующими лицами древнерусских повествовательных произведений всегда были исторические лица, либо лица хотя и не существовавшие, но историческое существование которых не подвергалось сомнению.

Даже в тех случаях, когда в произведения древней русской литературы вводилось вымышленное лицо, оно окружалось роем исторических воспоминаний, создающих иллюзию его реального существования в прошлом. Действие повествования всегда происходило в точно определённой исторической обстановке или, ещё чаще, произведения древнерусской литературы рассказывали непосредственно о самих исторических событиях (Слово о полку Игореве, Повести о рязанском разорении, «Задонщина» и многие другие).

Вот почему, изучая русскую средневековую литературу, исследователи так часто вынуждены обращаться к показаниям летописи, да и сама летопись оказывает сильнейшее воздействие на литературные произведения древней Руси. В средневековой русской литературе не было любовной поэзии, не было произведений чисто развлекательных жанров; дух летописи, дух историзма пронизывал собою всю её от начала и до конца.

Это придавало русской средневековой литературе отпечаток особой серьёзности и значительности, тем более, что приверженность к историческому факту, к истории связывалась на Руси с задачами государственного и национального строительства. Постоянные военные опасности, ускорившие процесс образования русского национального государства, привели к усиленному развитию национального самосознания, подчинили литературу государственным и общенациональным задачам. Благодаря этому летопись с её государственным размахом, с её громадным историческим содержанием стала одним из основных проявлений национальной специфики русской культуры XI—XVI вв.

В летописи скрещивались все важнейшие идейные течения древней Руси. Текст летописания всегда подвергался в древней Руси страстным политическим спорам и толкованиям. Политически острая летопись постоянно служила своеобразным ориентиром в политической жизни городов, княжеств, а затем и Русского государства в целом. Она

была средством политического воспитания общества, складывалась как памятник политической жизни и служила важным политическим документом.

Именно на основании летописей русское правительство без всяких колебаний заявляет своё право на господство над старыми «отчинами» московских князей — Киевом и Смоленском, Полоцком, Черниговом. Опираясь на летописи, Москва ведёт свою объединительную политику. Летописи служат историческими доказательствами при спорах русских князей перед ханом о великом княжении: князь Юрий Дмитриевич обосновывал свои права на московское княжение «летописцами и старыми списками и духовною отца своего великого князя Дмитрия». Летописи и людей, умеющих «говорить» по русским летописям, т. е. отлично знающих их содержание, вёз Иван III в обозе своих войск, наступая на Новгород в 1471 г. Подготавливая Ливонские войны, Иван Грозный твёрдо и неоспоримо устанавливает на основании летописей, что Дерпт — русский город Юрьев, выстроенный в XI в. Ярославом Мудрым, носившим христианское имя Юрий.

Московское правительство усиленно развивало летописное дело и пользовалось историческими ссылками и свидетельствами старых летописей в масштабах и с искусством, которым не могли противопоставить ничего равного противники Москвы.

2

Русские летописи обычно содержат рассказ об исторических событиях за несколько столетий в годовом — хронологическом порядке. Изложение исторических фактов по годам, хронологическая канва составляет отличительную, неизменную черту летописи.

Однако нельзя думать, что летописи создавались в результате постепенного присоединения всё новых и новых записей, что летописи росли из года в год, по мере того как летописцы в тиши своих келий бесстрастно присоединяли новые страницы к старым.

Такое представление о летописном деле было когда-то широко распространено, но в конце XIX — начале XX в. под влиянием исследований академика А. А. Шахматова решительно отброшено. Каждая летопись представляла собою не случайный набор записей по годам, а единый, цельный труд, преследовавший определённые политические задачи.

Летописи — это цельные, связанные чёткой политической концепцией исторические произведения, создаваемые летописцами не путём постепенного накопления записей, а по большей части единовременно.

Самое составление летописи всегда было приурочено к каким-либо знаменательным официальным событиям в жизни феодального центра: вступление на стол нового князя, основание собора, учреждение новой епископской кафедры и т. д. Летопись никогда не была делом частного лица, частной инициативы. Летопись была официальным произведением, важнейшим государственным документом.

Летописцы соединяли в летописях самый разнообразный материал: здесь и труды их предшественников, таких же летописцев, и новые записи, доводящие изложение событий до времени составления летописи или «до князя нынешнего», здесь и договоры князей, и их завещания, и жития святых, и исторические повести, и церковные поучения, и послания митрополитов, и пересказы народных преданий, сказаний, легенд и т. д. и т. п. Летописи были своеобразными историческими энциклопедиями, в которые включалось всё то, что казалось летописцу имеющим историческую ценность. Таким образом, летописи — это своды. История летописания есть история летописных сводов.

Летопись являлась своеобразной хранильницей многих лучших произведений древней русской литературы. В составе летописи сохранились: Поучение Владимира Мономаха, повести о Куликовской битве, житие Александра Невского и многие другие. Едва законченное описание путешествия в Индию Афанасия Никитина — его знаменитое «Хождение за три моря» русские купцы спешат доставить в Москву в великокняжескую канцелярию летописцу дьяку Василию Мамыреву для включения в летопись.

Подбор сведений в летописи отнюдь не был случаен: летописные своды создавались в результате сознательной, тщательно продуманной работы летописцев, подбиравших свой материал с позиций определённой политической идеологии. Летописные своды были всегда проникнуты внутренним идейным единством, спаяны острой политической мыслью. При этом рукой летописца водил не личный произвол мнений: летописец своей политической концепцией был тесно связан с тем феодальным центром, по инициативе которого создавалась летопись.

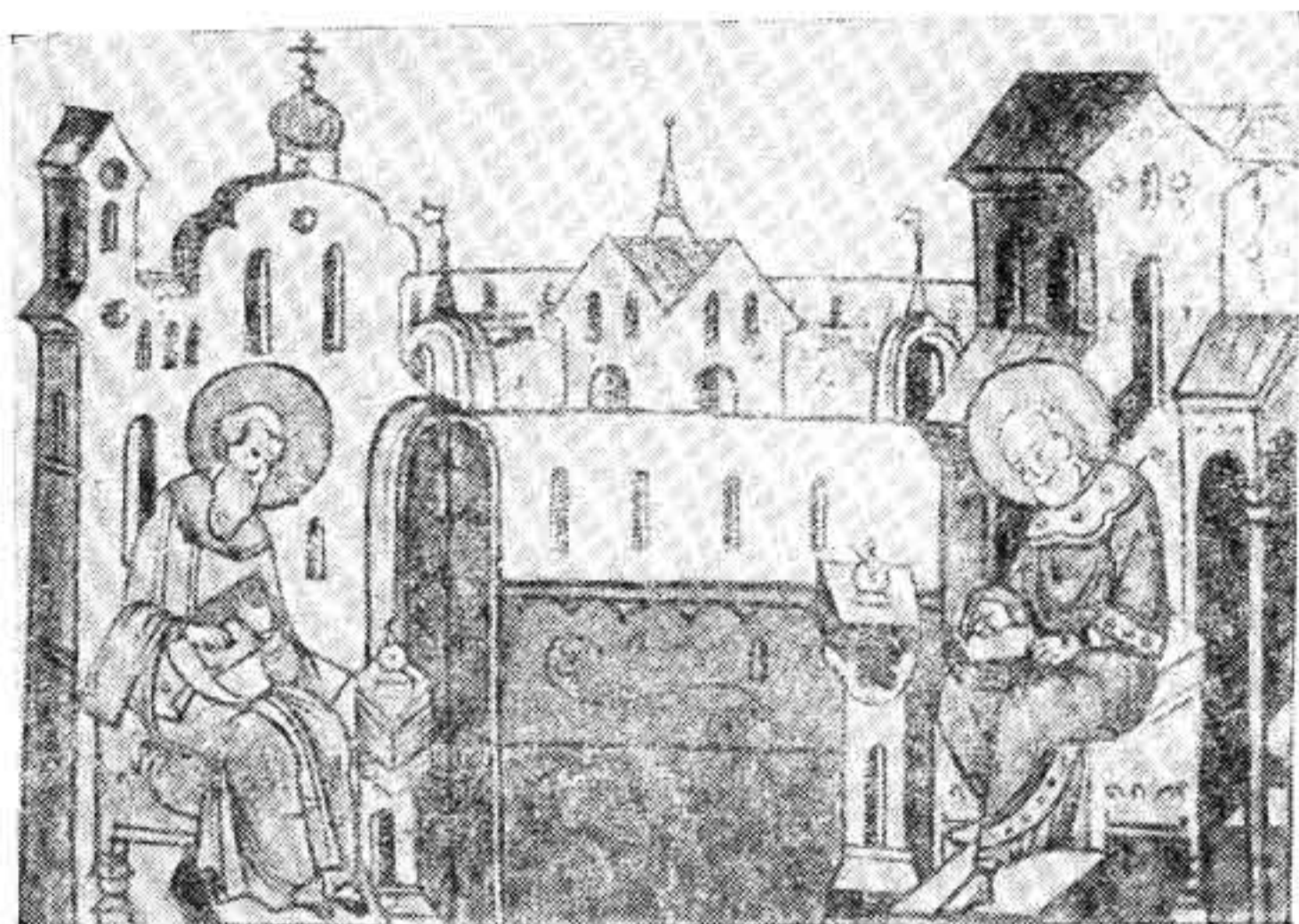
Политическая идея, вкладываемая в своды, выражалась не в грубой переделке изложения, а по большей части в самом подборе материала, иногда в пропусках тех или иных исторических известий. Переработка предшествующего летописного материала могла быть допущена составителем летописного свода лишь по очень веским основаниям, максимально сохраняя предшествующий текст и носила строго определённые формы, ограничиваясь выработанными приёмами сокращений, дополнений из других произведений или некоторыми обновлениями языка и стиля. Создавая свою историческую концепцию, летописец бережно сохранял в ней тексты предшествующих сводов и самые исторические концепции своих предшественников. Ни произвольного искажения прежнего текста, ни фантастических добавлений и необоснованных утверждений летописцы, как правило, не допускали. Летописцы как бы сознавали документальный характер записей своих предшественников, сознавали свою ответственность перед грядущими поколениями и важность исторической памяти.

Такой характер летописных сводов как бережной, политически продуманной, искусной компиляции предшествующего летописного материала открывает возможности восстановления лежащих в основе поздних летописей XIV—XVI вв. древнейших летописных сводов.

Хотя дошедшие до нас списки русских летописей принадлежат сравнительно позднему времени (все они не старше XIV в.), но благодаря тому, что летописная традиция ни разу не прерывалась, исследователи, снимая слой за слоем и распутывая комбинации предшествующих сводов, могут восстановить состав летописей и самые их тексты XI—XII вв. Благодаря этому перед наукой открыты широкие возможности полного, слово в слово, восстановления утраченных памятников летописания. Так был, например, восстановлен академиком А. А. Шахматовым на основании поздних списков летописей XIV—XVI вв. текст сохранившейся в них Повести временных лет. Так другой исследователь — М. Д. Присёлков — восстановил текст сгоревшей в московском пожаре 1812 г. ценнейшей русской летописи начала XV в. — так называемой Троицкой летописи. Так академик Обнорский в летописях XV—XVI вв. смог изучить даже самый язык документов X—XI вв., несмотря на то, что документы эти были десятки раз переписаны поздними летописцами. В грандиозных московских летописных сводах XV—XVI вв. таятся неисчерпаемые возможности

для восстановления исторических произведений древней Руси.

Таким образом, летописи были исключительно сложными, искусно составленными историческими энциклопедиями, бережно хранившими в своём составе разнородный исторический материал. Их составление было предметом государственной заботы, заботы князей, митрополитов, епископов.

Изображение летописцев из Хронографа Публичной библиотеки им. В. И. Ленина (XVI в.)

иногда монастырей или городов (в Новгороде, в Пскове). Роль их в народной жизни огромна.

На всём протяжении своей многовековой истории русское летописание было движущей силой, формировавшей национальное сознание русского народа. Но никогда ещё значение летописи не было так велико, самые летописные своды такими огромными и содержательными, а ведение летописи таким искусным и сложным, как в годы образования русского национального государства. По степени вложенного труда, мысли, искусства летописание достигло в XV—XVI вв. поистине грандиозного развития.

Русское летописание никогда не было узко местным. Даже во времена татаро-монгольского ига, когда общение между отдельными областями было до крайности затруднено, каждый феодальный центр стремился расширить свои летописные записи за счёт записей соседей, по возможности полнее осветить события общерусской истории. В летописи теплилась идея единства Руси. Большинство летописей, ведшихся на всём огромном пространстве Русской земли, начиналось с общего им всем рассказа о том «откуда есть пошла русская земля». Это повествование о начале Руси поддерживало в самые чёрные годы татарщины твёрдое убеждение в возможности нового и окончательного объединения.

Первые годы татаро-монгольского ига характеризуются относительным упадком летописной работы. Особенно тяжело сказался на летописании разгром Батыем центра великокняжеского летописания — Владимира. Именно с этой поры записи северо-восточных летописей становятся чрезмерно кратки и неточны в датировках. Из главных городов Владимирско-Суздальской земли уцелел лишь Ростов. Туда и переходит обедневшее владимирское великокняжеское летописание. Полностью сохранило силу лишь новгородское летописание, так как татаро-монгольские орды не разгромили Новгорода.

Во второй половине XIII в. новгородцы и ростовчане делают попытку расширить свои летописные записи. В состав ростовских летописей включаются записи какой-то новгородской летописи. С другой стороны, в середине XIII в. в Новгороде летописец Тимофей раздобывает рязанскую летопись и включает в новгородскую летопись отдельные короткие рассказы о событиях в Рязани первой половины XIII в.

Таким образом, попытка связать владимирско-ростовское летописание с новгородским встретила ответные попытки связать новгородскую летопись с летописями северо-восточными и тем восстановить нарушенную после татаро-монгольского нашествия связь между летописанием отдельных областей. Однако усилия эти не привели к существенным результатам: новгородское летописание не стало общерусским, а владимирско-ростовское великокняжеское летописание вовсе оборвалось в конце XIII в. на несколько десятилетий.

Раньше других областей общерусское летописание возрождается в Твери. В 1305 г., после двадцатипятилетнего перерыва великокняжеского летописания, в Твери был составлен первый тверской великокняжеский свод, использовавший в своём составе великокняжеский свод 1281 г., на котором оборвалось владимирско-ростовское летописание. Этот первый тверской свод отличался ещё чрезвычайной сухостью и лаконизмом записей, ограниченностью исторического горизонта летописца, сосредоточившего своё повествование на узко местных событиях, ратях татар и «которах» (распрях) князей. За ним последовали другие тверские своды, постепенно расширившие круг своих записей.

В XIV в. ведутся уже и другие летописи: княжеские — в Рязани и Смоленске, епископская — в Ростове. Ведутся летописи в Новгороде и Пскове. С ростом политического самосознания в русской жизни возрастает значение летописи. Особенно выдвигается с конца XIV — начала XV в. значение летописания Москвы. В её летописных сводах нашла своё отражение московская общерусская политика.

Первоначальное летописание Москвы сосредоточивается главным образом при дворе русского митрополита, где внимательно следили за судьбами всех подчинённых ему в церковном отношении русских областей. Положение митрополита «всей Руси» над всеми церковными организациями отдельных областей, его общерусские связи позволяли митрополичьей канцелярии собирать у себя копии, а иногда и подлинники летописей, ведшихся по городам, княжествам, монастырям всей Великой Руси. Интересы церкви делают митрополитов сторонниками устойчивого политического строя и прекращения усобиц. Московские митрополиты первыми руководят созданием обширных общерусских сводов, соединивших впоследствии всё огромное разнообразие русских летописей.

Общерусские летописные своды имели существенное значение в политической деятельности Москвы. Ведя политику собирания русских областей в единое целое, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий. Благодаря соединению в ней областных летописей московское митрополичье летописание приобрело общерусский характер и невиданный ранее размах. Содержание московского митрополичьего летописания, обилие включённых в его состав областных летописей уже в XIV в. «свидетельствует, — по словам академика А. А. Шахма-

това, — об общерусских интересах, об единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей».¹

В 1409 г. в Москве был составлен обширный общерусский свод, осветивший русскую историю с точки зрения единства русской земли. Инициатива составления этого свода принадлежала незаурядному писателю того времени — митрополиту Киприану, но закончен этот свод был уже после смерти Киприана.

Киприан соединил в своих руках управление русской церковью во всех русских областях, в том числе и в тех, которые находились в составе Литвы.

Для составления своего свода Киприан собирает с различных концов Руси местные летописи, действуя для этого через подчинённые ему церковные организации. К своду были привлечены новгородская летопись, рязанская, смоленская, тверская, суздальская и предшествующая московская летопись XIV в. Кроме того, в свод Киприана впервые были включены известия по истории Литвы, интерес к которой был очень характерен для Киприана.

Все эти местные летописи подверглись в своде Киприана лишь незначительной обработке. Составители свода намеренно сохранили обвинения новгородской летописи против тверичей, предшествующей московской летописи против новгородцев и суздальцев и т. д. Московская летопись намеренно сталкивает областные интересы, чтобы тем удобнее восхвалять политику московских князей — потомков Ивана Калиты. Этому последнему летопись посвящает особую похвалу, отмечая, вопреки исторической действительности, сорокалетнюю «великую тишину» и отдых народа от «истомы» и «тягости» татарских насилий. Московский характер свода отразился также в количестве преобладании известий по истории Москвы над известиями тверскими, новгородскими, ростовскими и др.

Однако летописец митрополичьего двора сохраняет значительную свободу суждений по отношению к действиям московского великого князя. Путём косвенных намёков и исторических примеров летописец всячески поучает современных ему московских правителей. Так, например, в назидательных целях в состав летописи была включена похвала уму и военным талантам литовского князя Ольгерда,

¹ А. А. Шахматов, *Общерусские летописные своды XIV и XV вв.*, Журнал Министерства народного просвещения, 1900, № 9, стр. 91.

Летописец особенно удивляется его умению хранить военную тайну и внезапно нападать на противников. «Не столько силою, сколько умением воевал», говорит о нём летописец, стремящийся поставить себя выше московско-литовского спора за объединение Руси.

Уже после смерти Киприана свод, начатый при его жизни, был заключён повестью о нашествии Эдигея на Москву. В этой повести летописец заново перерабатывает киприановскую идею московско-литовского единства с точки зрения необходимости обратить все военные усилия обеих сторон только против татар. Составитель утверждает, что степные народы — исконные враги Руси. Это была та поправка к киприановской идее, которую подсказывало русскому составителю повести о нашествии Эдигея его живое чувство любви к родине. Составитель повести о нашествии Эдигея настойчиво проводит мысль об особой опасности внезапных, в тайне подготовленных набегов степных кочевников. При этом он отождествляет татар и половцев как общих врагов Руси. Татары заключают ложные миры, надеясь, что русские в «бесстрашии будут», натравливают литовцев на русских и выжидают ослабления обеих сторон. Татарские отряды, призываемые на помощь русскими князьями, как прежде половцы, стремятся высмотреть расположение русских и их вооружение, чтобы затем самим напасть на русских. Этой же политики придерживался и Эдигей, всячески заверявший русских в своей дружбе, чтобы тем легче вторгнуться в русские земли.

Автор повести о нашествии Эдигея пересмотрел взаимоотношения Руси со степью от XI и до XV в. с точки зрения исконности их вражды, сопоставляя Киевскую Русь с Московскою. Он упрекает московских великих князей за то, что они не слушают советов «старцев» и призывают себе на помощь против Литвы «половцев»-татар.

При этом летописец, желая оправдать свою резкую критику недостаточно активной политики московских великих князей против «половцев»-татар, ссылается на пример киевского летописца и на историческую объективность одного из редакторов Повести временных лет — игумена Сильвестра, «не украшая пишущего», не стеснявшегося без украс оценивать политику великого князя. Это рассуждение летописца о задачах летописания показывает, какого широкого взгляда на свою работу держался московский летописец, какая острота политического обличения влага-

лась им в летописные своды начала XV в. и каким авторитетом пользовалась в то время древняя киевская летопись XII в. — Повесть временных лет.

Вскоре после составления свода 1409 г. потребовалась новая переработка летописания. Политические идеи свода 1409 г. не могли удовлетворить московскую политику. Слишком явно противоречила киприановская идея сохранения распределения русских земель между Литвою и Москвою реальным интересам русского народа. Вместе с тем противоречили тем же интересам резкие выпады против узко местных тенденций русских областей. Поэтому в 1418 г. при митрополите Фотии было предпринято составление нового летописного свода.

Свод Фотия в ещё большей мере, чем свод Киприана, стремился стать на общерусскую точку зрения — к бесстрастной и «объективной» манере изложения. Поэтому сглаживается изложение борьбы Москвы с соперничающими областными русскими центрами, опускаются некоторые узко местные московские известия, сведения семейно-княжеского характера и т. д. Изъятию подверглись пренебрежительные выпады против новгородцев, тверичей, суздальцев. Такая переработка предшествующего летописного свода Киприана несомненно была вызвана тем, что в своей объединительной политике и борьбе с антимосковскими силами Москва стремилась опереться на местное демократическое население и была заинтересована в прекращении областной вражды, не желала распространять обвинений на всех суздальцев, новгородцев, тверичей и т. д. Благодаря этому московское летописание становилось подлинно общерусским — не только по количеству привлечённых местных летописей, но и по самому отношению к историческому прошлому всей русской земли в целом. Это был умный политический шаг, который сразу же оказал своё действие: свод Фотия был принят во всех главных летописных центрах Руси. Он лёг в основание новгородского летописания, тверского, ростовского и др., став повсюду проводником идеи объединения Руси.

Настойчивая забота о соединении в единую летопись разрозненных летописей множества разобщённых областей свидетельствует о вполне созревшей уже мысли о единстве Руси. Мысль эта сочеталась пока с бережным использованием местной литературы, местных, иногда демократических тенденций и не диктовала ещё сурового сокра-

щения и цензурирования местных летописей, как это было позднее. Наоборот — московская летопись в эти годы явно начинала занимать всё более и более демократическую позицию, выдвигая роль горожан в защите Руси от кочевников. Иную трактовку получила, например, в новом своде осады Москвы Тохтамышем. В предшествующем летописном своде Киприана главная роль в защите Москвы от войск Тохтамыша принадлежит внуку великого литовского князя Ольгерда — Остею, заменившему ушедшего в Кострому на сборы войска великого князя Дмитрия Ивановича. Гибель этого литовца сломала якобы сопротивление Москвы. В новой редакции повести о Тохтамыше составитель фотиевского свода с особым вниманием говорит о московских купцах-гостях: «сурожанах» (купцах, ведших торговлю через Сурож-Судак в Крыму), суконниках и др. Они названы поборниками земли русской, против них главным образом направлена ненависть татар. Литовский князь Остей не выступает уже защитником Москвы от Тохтамыша, как в своде Киприана: сами горожане оберегают город. В повествование введён новый рассказ о подвиге суконника Адама, который, заметив с Фроловских ворот Кремля (ныне Спасских) важного татарского князя, попал ему из самострела прямо «в сердце его гневливое». Взять Москву Тохтамышу удалось лишь при помощи вероломных обещаний.

Демократический характер этой переделки несомненен. Версия эта носит следы фольклорного происхождения: былины знают горького пьяницу Василия Игнатьевича, который в Киеве со стены города поражает стрелами трёх знатнейших татарских вельмож.

Таким образом, идея единства Руси вошла в московские летописные своды вместе с демократическими тенденциями. Москва явилась всесторонней собирательницей русского исторического предания, объединительницей местных летописей в обширных сводах. Москва не противопоставляла себя в своих летописях другим русским областям, не замыкалась в узких пределах только своего исторического предания. Это идейное собрание всего исторического прошлого русского народа на основе идеализации киевского периода — периода национальной независимости — опережало реальный процесс собирания русских земель вокруг Москвы и как бы ставило московской политике конкретные дальновидные задачи.

Свод Фотия лёг в основу всего русского летописания XV—

XVI вв. Списки этого свода, вытребованные в отдельные области и княжества, ложатся в основу летописания Твери, Ростова, Новгорода и т. д. Прямо или косвенно все русские летописи XV—XVI вв. опираются на свод Фотия.

Интенсивное продолжение получил свод Фотия в обширном летописании Новгорода. Энергичный политический деятель и глава новгородского «совета господ» — архиепископ Евфимий II деятельно заботится о составлении летописных сводов. В 1432 г. создаётся новый свод новгородского владычного летописания — Софийского временника, который должен был дать в противовес московской — новгородскую историческую концепцию, поставив в центр русской истории — историю Великого Новгорода.

Однако вскоре же после составления этого свода стал ясен и его основной недостаток, не позволявший ему конкурировать с обширными московскими летописными сводами первой четверти XV в. В то время как московское летописание было в подлинном смысле общерусским, объединяло в своём составе известия самых разнообразных областей и освещало историю всего русского народа в целом, новгородский Софийский временник по составу своих известий оставался всё же летописью узко новгородской. Поэтому при том же Евфимии II в 1448 г. в Новгороде было предпринято составление нового летописного свода.

Свод 1448 г. был первым новгородским сводом с ярко выраженным общерусским характером. Он описывает судьбы русского народа в целом, хотя преимущество по-прежнему отдаёт Новгороду и в нём видит центр русской истории. В основном этот общерусский характер свод 1448 г. получает в результате заимствования известий из московского летописного свода Фотия 1418 г. Стремясь создать свою историческую и политическую концепцию, противостоящую московской, Новгород всё же опирается на Москву и на её книжность. Характерно также, что в противоположность московским летописям начала XV в., нередко оценивавшим события с точки зрения демократических слоёв населения, составитель свода 1448 г. во многих случаях проявил себя как представитель интересов новгородской боярской партии. Он с осуждением отнёсся к чёрному люду — к «голодникам», к «ябедникам» и к городским волнениям.

Аналогичным образом свод Фотия был использован и по другим русским областям. Это было замечательной

победой идеи единства русского народа. Идея необходимости единения, сознание русской земли как целого, повластно входила повсюду в областные политические теории. Спор шёл лишь о том, кому возглавлять это единство.

Со времени составления Повести временных лет при Владимире Мономахе работа исторической мысли никогда ещё не была так интенсивна. Летописные своды с чрезвычайной последовательностью следовали один за другим и росли в размерах.

4

В своде Фотия отчётливо отразилось осознание истории России как составной части всемирной истории. В начале свода Фотия были включены крупные выписки из Хронографа — переводной всемирной истории. Этими хронографическими статьями история Руси связывалась с историей вселенной.

В середине XV в. этот интерес к истории всего мира был настолько силен, что явственно определилась потребность в своей, русской точке зрения на мировую историю. Московские книжники предпринимают создание своей собственной всемирной истории.

В 1441 г. был составлен Русский хронограф, имевший затем громадный успех в читательской среде, неоднократно перерабатывавшийся в течение двух с половиной веков, дошедший до нас в сотнях списков и распространившийся в южнославянских странах.

Повидимому, Хронограф этот был составлен известным писателем XV в., Пахомием Логофетом, во время его пребывания в Троицком монастыре. Изложение Хронографа начинается от «сотворения мира». Особенное внимание он уделяет еврейской истории, затем истории Греции и Рима. От событий истории Византии Хронограф переходит к русской истории как к завершению истории мира.

Замечательной особенностью Русского хронографа являлась ярко выраженная в нём идея всеславянского единства. Именно поэтому в изложении событий всемирной истории автор Хронографа уделил исключительное внимание истории славянских стран. В Хронограф были включены сербские произведения: житие Саввы Сербского, Стефана Лазаревича и др. Выводя русскую историю на мировую историческую арену, летописец искал родствен-

ных связей Руси со славянскими народами, отчётливо сознавал себя славянином и шире — частью исторического человечества в целом.

5

Одновременно с летописанием митрополичьим, достигшим в первой половине XV в. такого исключительного размаха в подборе исторического материала и искусства в его обработке, велось и летописание московского великокняжеского двора. Сперва бедное и ограниченное в своих интересах, оно постепенно крепнет в соседстве с летописанием митрополита и во второй половине XV в. достигает в Москве господствующего положения. Это летописание сосредоточено в руках великокняжеских дьяков, систематически подбирающих к нему материал и широко пользующихся московскими архивами, организация которых становится исключительно тщательной при Иване III.

Приказное делопроизводство даёт обильный материал для великокняжеского летописания. В летопись записываются «разряды» военных походов, «воеводские отписки», описание приёмов при дворе, даются точные хронологические справки, приводятся имена участников похода и списки убитых. Подробно отмечается в летописи всё существенное и важное с точки зрения великокняжеской политики, тщательно описываются военные события, особенно походы, в которых принимал участие сам великий князь.

Летописные своды великокняжеского двора обычно доводились «до князя нынешнего», т. е. заканчивались описанием смерти предшествующего великого князя. Так, например, один из летописных сводов заканчивался на 1426 г. известием о смерти Василия Дмитриевича. Второй великокняжеский свод был составлен в 1462 г. и оканчивался смертью Василия Тёмного. Пространным описанием смерти отца Ивана IV — Василия III — заканчивался великокняжеский свод первой половины XVI в. Однако в княжение Ивана III были составлены два летописных свода, имевшие своими окончаниями описания новгородских походов Ивана III. Присоединению Новгорода московская политика придавала исключительное значение. С точки зрения московской дипломатии, Иван III выступал не только как объединитель русских областей, но и как защитник православия против католичества, к которому хотело передаться новгородское боярство. Поэтому каждый из походов Ивана III на Новгород заканчивался составлением

летописных сводов, которыми отмечались эти важнейшие этапы русской истории.

Новгородские походы Ивана III описаны в этих сводах в приподнятых выражениях, события изложены с чрезвычайной тщательностью, подробно дано описание конфликтов, содержание переговоров. Победам Ивана III приданы всесветное значение и необычайная торжественность.

Новгородские походы в обоих этих сводах рассматриваются как борьба с изменниками вере и Русскому государству. Сознательно противопоставляется измена новгородского боярства верности меньших людей, которых бояре только силою заставляли воевать против Москвы. Даже тех, которые отродясь не сидели на лошади, у которых и в мыслях не было поднять руку против великого князя, — пишет летописец, — «всех тех изменники (бояре) силою выгнали» против войск Ивана III.

Упорная, настойчивая работа исторической мысли Москвы подготовила новый грандиозный расцвет русского летописания, начавшийся несколько позднее — в царствование Грозного.

Этот новый подъём русского летописания начинается с 30-х гг. XVI в., когда последовательно один за другим создаются грандиозные многотомные своды, иногда иллюстрированные тысячами превосходных миниатюр. Эта летописная работа была обставлена генеалогическими и хронологическими разысканиями исключительной тщательности. Они подводили итоги истории объединения русского народа, сводили воедино все исторические сочинения, касающиеся Руси, вводя её в сферу всемирной истории. Это был грандиозный патриотический апофеоз Русского государства.

Однако вместе с тем на них кончалось русское летописание, во всяком случае — в его столбовой московской дорожке: наличие прочно организованных архивов отменяет значение летописи как основного исторического и дипломатического документа; летописание вступает на путь литературной обработки предшествующего исторического материала. Летопись всё больше и больше становится из исторического документа литературным произведением, в задачу которого входило осмысливать события русской и всемирной истории с точки зрения философско-исторической, давать назидательное и воспитывающее граждан патриотическое чтение.

IV. ЭПОС

Исторические предания, былины, песни, когда-то столь обильные в древней Руси, давно замолкли. Никто не записал их, не отразил своего впечатления от их исполнения. Но судить о них мы всё же можем по тем отголоскам, которые явственно слышатся ещё во многих летописных записях XV—XVI вв. Ведь былины и исторические песни рассказывали о том же, о чём писал и летописец: о русском прошлом. И вот случалось, что свои рассказы летописец изменял или дополнял подробностями, слышанными им от народных пётарей. Опытный глаз исследователя всегда может отличить в летописных записях то, что вошло в них не из предыдущих летописей, не из литературных произведений, не из книг, а от стоустой народной молвы, из песен сказителя на пиру или на улице.

Из этих обмолвок и случайных упоминаний летописца мы узнаём, что уже в первой половине XV в. ему были знакомы имена тех же героев былевого эпоса, которые знакомы и нам. Составитель летописного свода митрополита Фотия первой четверти XV в. записал в нём о гибели русских богатырей в битве с татарами на Калке. Мы уверены в том, что летописец записал об этом со слов сказителей, так как древнейшие летописи ничего не сообщают об этом факте. Следовательно, в первой четверти XV в. была былина, которая рассказывала о гибели богатырей в битве с татарами. Знаем такую былинку и мы.

Как складывались и развивались былины, какие идеи были ими выражены? На этот вопрос отвечают списки летописей. Разновременные летописные записи, сделанные летописцами в XV и XVI вв. на основании различных песен сказителей, могут раскрыть нам историю былинных сюжетов об одном из главных богатырей русского эпоса — Алёше или Александре Поповиче. Упоми-

нения о нём, попавшие в летопись в начале XV в., говорят об Александре Поповиче иное, чем указания конца XV в., а записи XVI в. — ещё иное и более близкое нашим былинам. Былины об Александре Поповиче прошли за полтора века огромный путь развития, изменивший образ героя, и это одно свидетельствует о том, что эпоха сложения русского государства была также и эпохой сложения русского эпоса.

Древнейший рассказ о подвигах Александра Поповича находится в Тверской летописи, составленной в 1534 г. и иначе называемой Тверским сборником. Составитель этой летописи, ростовец родом, переписывая события русской истории, внёс в свою летопись рассказ о подвигах своего земляка Александра Поповича, древнее «Описание» которых он имел под рукой. Его тревожили «высокоумие», гордость и кичливость русских князей, принесшие гибель русским богатырям, и он решил включить содержание этого «Описания» с двойною целью: укорить русских князей за их самонадеянность и восславить своего земляка, ростовского «храбра» Александра Поповича, погибшего в битве по легкомыслию князей.

«Был некто из Ростовских жителей Александр, прозванный Попович, и слуга был у него именем Тороп» — так начинается включённое летописцем в свою летопись древнее «Описание». Оно не отличается детальностью, суммарно излагая события. Александр Попович служил первоначально владимирскому великому князю Всеволоду Юрьевичу («Большое Гнездо»). Когда же Всеволод отдал Ростов своему сыну, князю Константину, Александр перешёл служить к последнему в Ростов. На службе у Константина Александр Попович совершал ряд богатырских подвигов, защищая Ростов от соседних князей. Эти подвиги Александра Поповича рисуют его в чертах узко местного ростовского патриотизма. На Ростов напал брат Константина Ростовского Юрий и стал станом на реке Ишне. Константин бежал из Ростова, Александр же один остался в нём, выходя из города на войска Юрия, и избивал многих из его людей. «Великие» могилы, полно наложенные костями убитых Александром, ещё и доныне, — говорит автор «Описания», — видны на реке Ишне и в других местах. С какой бы стороны ни подступали враги к Ростову, Александр со своими «храбрами» выходил на ту сторону и избивал врагов. Не раз приходил на Ростов Юрий, но каждый раз с позором удалялся. Однажды и сам Констан-